

# Мифы исторического капитализма

Category: Filosofiya, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Мифы исторического капитализма МИФЫ ИСТОРИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

*Мифы исторического капитализма*

*Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 176 с.*

Очередная книга Валлерстайна, изданная на русском языке, выстроена в соответствии с очень верной для представления идей практически любого автора-теоретика логикой: обширное предисловие и два эссе, очерчивающие основные контуры теории. Правда, высказанные в них идеи уже должны быть хорошо известны интересующемуся читателю: не считая этой, в России издано 5 книг Валлерстайна, в том числе его теоретическое введение в миросистемный анализ[1]. Но в эссе «Исторический капитализм» цель поставлена так: анализ капитализма «как исторической системы на протяжении всей его истории и в конкретной уникальной реальности <...> как она выражается в экономической, политической и культурно-идеологической сферах» (с.74-75). Второй текст – «Капиталистическая цивилизация», дополняет первый и представляет собой «подведение баланса» под достижениями капитализма на сегодняшний день и прогноз его заката. Согласно миросистемному анализу, главный недостаток общественных наук – это искусственное разделение жизни человеческого общества на якобы изолированные «сферы». Установка на целостность, игнорирование междисциплинарных границ составляет одну из самых сильных и привлекательных сторон миросистемного анализа.

Как известно, основная идея миросистемного анализа заключается в следующем: если взаимовлияние стран друг на друга так сильно

отражается на их развитии, то верно ли принимать отдельные страны за субъекты исторического процесса? В качестве субъекта исторического процесса Валлерстайн берет «миросистему» («миро-системы» или «мир-системы» – в зависимости от перевода) –

«некое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам»[2].

Или проще: «Миросистема» – географическая зона, объединенная общим разделением труда[3]. Развитие «миросистемы» по своим собственным законам и определяет исторический процесс, является источником изменений внутри отдельных стран – вопреки тому, что принято считать в традиционных истории и социологии.

Капиталистическая система, возникла, согласно Валлерстайну, в XVI веке. Но зато эта «миросистема» стала первой так называемой «мироэкономикой» – «миросистемой», не связанной единой политической структурой, – которой была суждена по-настоящему долгая жизнь. А еще она оказалась первой «миросистемой», которой удалось охватить весь земной шар и стать по-настоящему всемирной.

Итак, в чем же особенности миросистемы исторического капитализма?

Капитализм, по Валлерстайну, нельзя идентифицировать как способ производства в привычной марксистской трактовке, характеризующийся определенной системой производственных отношений. Для Валлерстайна капитализм – это нечто другое, это прежде всего система разделения труда, «локус производственной деятельности, в котором бесконечное накопление капитала является экономической целью» (с. 80). Капиталистическая «миросистема», подобно любой другой, представляет собой иерархически организованное пространство «центр–периферия». «Периферия» в этой системе постоянно теряет прибыль в пользу «центра» или «ядра», причем за счет этого в «ядре» создаются

«фонды для дальнейшей механизации, что «обеспечивает производителей в зоне ядра дополнительными преимуществами в производстве уже существующих продуктов и позволяет им создавать все больше новых редких продуктов, с помощью которых они возобновляли весь этот процесс» (с.89).

Исходя из этих установок Валлерстайн ставит себе целью разоблачить несколько мифов о капитализме, присущих традиционным общественным наукам и ставшими идеологическим основанием исторического капитализма.

Валлерстайн показывает: свободного рынка, на котором конкурируют производители и где спрос, предложение, стоимость рабочей силы регулируются «невидимой рукой» никогда не существовало. Всегда капитализм стремился к монополии и всегда же опирался на государство.

«Значительного и долгосрочного накопления никогда невозможно добиться с помощью рыночных механизмов. Поэтому, чтобы добиться успеха, все производители должны выходить за пределы рынка» (с.160). Государства для производителей создают удобное законодательство, но даже чаще – вторгаются на рынок тремя разными способами: оказывают давление на более слабые государства, с помощью фискальной и бюджетной политики обеспечивают преимущество одних производителей над другими и препятствуют «продавцам факторов производства (особенно рабочей силы) бороться против монополистических позиций» (с. 161). Причем первый способ обеспечения интересов монополистов – неравный обмен между регионами, – собственно, и оказывается главной организующей силой капиталистической миросистемы:

«Концентрация капитала в зонах ядра создавала как фискальную базу, так и политическую мотивацию для развития относительно сильных государственных машин. В результате можно было оказывать давление на периферийные государства. Цель давления – заставить эти государства согласиться на большую специализацию подконтрольных им территорий на таких видах экономической деятельности, которые находятся в самом низу

иерархии товарных цепей {выделено мной – С.С.} и даже содействовать такой специализации»

Вспоминаются истории монокультурных специализаций стран Латинской Америки, приведшие их к экономическому коллапсу в разные годы XX века. И Россия с ее нынешней сырьевой экономикой.

Неравномерность обмена на разных этапах развития капитализма обеспечивалась разными политическими механизмами: от ограбления колоний до использования их в качестве рынков сбыта и источника дешевой рабочей силы. Но всегда неравномерность обмена – и, как следствие – развития – оставалась главным признаком.

Предприниматели и идеологи капитализма

«никогда не хотели признать тот факт, что мир-экономика пришла к конкретной точке предложения и спроса определенным историческим образом и что в каждый конкретный момент »обычные« различия в уровнях заработной платы и в реальном качестве жизни мировой рабочей силы поддерживаются определенными силовыми структурами» (с.90).

Это, в свою очередь, приводило к росту поляризации. Валлерстайн пишет: «Я хочу защитить одно марксистское утверждение, которое даже ортодоксальные марксисты склонны хоронить с позором, – тезис об абсолютном (а не относительном) обнищании пролетариата» (с.133). Да, промышленные рабочие с XIX века стали жить лучше, но

«подавляющая часть мировой рабочей силы, которая живет в сельской местности или перемещается между нею и городскими трущобами, живет хуже, чем их предки пятьсот лет назад. <...> Большая часть мирового населения работает интенсивнее – больше часов в день, в год, за жизнь. И поскольку они делают это за меньшее вознаграждение, норма эксплуатации увеличилась весьма резко» (с.134).

Из всего этого, в свою очередь, следует, что никогда страны периферии в рамках капитализма не смогут «догнать» страны центра – теория модернизации в разных ее видах, равно как и ортодоксальный советский истмат оказались ошибочными. Капитализм в странах периферии не просто другой – он органически связан со странами центра и именно благодаря неравному обмену консервирует и воспроизводит отсталость. Меняются только ее формы.

Впервые эти выводы сделал не Валлерстайн, а теоретики зависимости из Латинской Америки и Африки: Р.Пребиш, Ф.Кардозу, Т. Дус Сантус, С.Амин, А.Гундер-Франк, последние два впоследствии перешли на позиции миросистемного анализа. Факты полностью подтверждают их выводы и прогнозы. Например, в начале 1970-х годов ВВП на душу населения в развитых странах был выше в 15,4 раза, чем в отсталых, а к 1990-м годам –уже в 24 раза[4]. А в целом за XIX–XX века коэффициент дифференциации между регионами, по данным С.Амина, увеличился с весьма скромных 1:2 до гигантских 1:60[5].

Однако многое из того, что добавил к выводам теоретиков зависимости Валлерстайн, вызывает вопросы... Так, и в этой, и в ряде других работ он утверждает, что пролетаризация была не слишком выгодна предпринимателям, так как позволяла рабочим в большей степени обеспечивать себя именно заработной платой, а не работой в «натуральном» домашнем хозяйстве[6]. «Наличие системы работ, не связанной с наймом, позволяло некоторым производителям платить своим рабочим меньше, сокращая таким образом производственные издержки» (с.86). Здесь Валлерстайн переносит на все развитие капитализма характеристики только определенных его этапов. Так, в странах центра во время промышленного подъема в XIX веке предприниматель был заинтересован именно в максимальной занятости рабочего. Зато тезис Валлерстайна «работает» по отношению к определенным странам периферии, во время мануфактурного этапа.

Здесь мы сталкиваемся с отличительной характеристикой многих произведений Валлерстайна: стремлением к максимально широким

обобщениям без достаточного фактического обоснования. Он большую часть и этой книги, и ряда других эссе, говорит не столько об «историческом {выделено мной. – С.С.} капитализме», сколько о «капитализме вообще» как будто он никогда не менялся, не проходил этапы, не развивался от слабых торгово-ремесленных организаций городов Северной Италии до современных транснациональных корпораций. Нет, конечно, в ряде случаев Валлерстайн говорит об этапах и стадиях, но намного чаще он предпочитает говорить о «циклах» – 100-150 лет, 50-60 лет («кондратьевских»). И такой подход ведет его к массе противоречий.

Так, Валлерстайн заявляет, что при капитализме аристократия не была классом, противоборствующим буржуазии, что вообще борьба буржуазии и феодалов – это «миф». Напротив, аристократия просто нашла способ спастись от социальных бурь времен заката феодальной Европы с помощью создания капиталистической миросистемы, и способ этот успешно действовал до конца XX века (с.96-97). Более того, «создание исторического капитализма как социальной системы резко повернуло вспять тенденцию, которой страшились верхние слои феодального общества»(с. 97). Даже Великую Французскую революцию Валлерстайн считает борьбой не между классами буржуазии и аристократии, а внутри класса накопителей капитала – межбуржуазной (с. 109-110). Не говоря о том, что такой взгляд напоминает «теорию заговора», он элементарно не соответствует огромному массиву фактов. Судя по всему, Валлерстайн экстраполировал опыт Англии и Нидерландов, где действительно имел место компромисс (но компромисс, а не превращение!) двух классов, на все пространство «исторического капитализма». И таких экстраполяций у него – множество.

Дело в том, что Валлерстайн все-таки не столько историк, сколько социолог. Как социолог, он имеет дело с социальной статикой, с обществом «в разрезе». И при взгляде на историю он склонен акцентировать внимание именно на преемственности и статике – в ущерб динамике и скачкообразным изменениям, которые он, по сути, вообще отрицает, в противовес марксизму.

Правда, одну – но потерпевшую поражение – революцию он взял себе за образец, но об этом позже.

Вслед за экономикой Валлерстайн анализирует иные, не классовые, методы структурирования рабочей силы при капитализме, играющие, с его точки зрения, не меньшую роль – это сексизм и расизм. Валлерстайн показывает, что этнизация рабочей силы и институциональный расизм как ее идеологическое оформление непосредственно связаны интересами накопления капитала: «Расизм был способом, с помощью которого ограничивалось отношение друг к другу различных сегментов рабочей силы в рамках одной и той же экономической структуры» (с.119).

«Расизм выступал в роли всеохватывающей идеологии, оправдывающей неравенство. <...> Он служил средством удержания низкостатусных групп в определенных социальных границах и использования среднестатусных групп в качестве неоплачиваемых солдат мировой полицейской системы. Таким образом не только существенно сокращались финансовые издержки политических структур, но и затруднялась возможность антисистемных движений мобилизовывать широкие массы» (с. 120).

Таким же образом действовал и сексизм.

С этим трудно не согласиться, но совершенно не ясно, почему Валлерстайн уравнивает этнические и гендерные противоречия с классовыми, тогда как его собственный анализ явно показывает, что и сексизм, и расизм – являются следствием (и сущностью, и хронологически) классовых отношений при капитализме. И здесь мы сталкиваемся с частью идейного наследия 1968 года, к которому сам относит себя Валлерстайн. В данном случае он повторяет выводы, высказанные Ш.Муфф и Э.Лаклау о равенстве различных социальных оппозиций при капитализме: гендерной, классовой, этнической и т.д. Главное, что Валлерстайн и его сторонники в этом вопросе не хотят замечать: что капитализм сумел дать права меньшинствам после 1968 года и устоять, борьба меньшинств не сказалась на его жизнеспособности.

Для Валлерстайна революция 1968 года оказывается второй по-настоящему мировой революцией после... 1848. Именно она «расчистила» дорогу для миросистемного анализа, заложила третью часть его фундамента, наряду с историографией Броделя и теоретиками зависимого развития. Эта часть касается идеологического анализа капитализма.

С точки зрения Валлерстайна, главной ошибкой почти всех противников капитализма до середины XX века, всех, как он их называет, антисистемных движений, было стратегическое стремление к политической власти (с. 114). Добившись власти, они сталкивались с ограниченностью возможностей государства в миросистеме. Выходило, что захват власти (революция) представлял собой не более, чем реформу системы. Причем сначала антисистемные движения

«служили предохранительными клапанами для сдерживаемого гнева или – порой более эффективно – механизмами, налагавшими незначительные ограничения на механизм эксплуатации. Однако в целом восстание как технический прием срабатывало лишь на окраинах центральной власти, особенно тогда, когда бюрократия центра вступала в фазу распада» (с.111).

В этой позиции Валлерстайна странно все: и игнорирование опыта буржуазных революций (впрочем, мы уже знаем, что это была лишь «межбуржуазная борьба!»), и рабочих восстаний в странах центра в XIX веке, и вырванных ценой большой крови этими восстаниями значительных уступок. Но по Валлерстайну, капиталисты сами предложили (с.165) эти уступки рабочим в целях сохранения стабильности системы: последняя в его изображении оказывается просто-таки саморегулирующейся субстанцией. И еще бы: ведь по Валлерстайну при капитализме «мотивации к бунту усиливались, несмотря на то, что вероятность успеха, возможно, объективно уменьшилась» (с.112). Победивших восстаний до капитализма, которые бы настолько сильно изменили лицо миросистемы, историки просто не знают. Но Валлерстайн, как мы уже замечали – не вполне историк. Здесь он вновь ретроспективно экстраполирует опыт – неудачный! – 1968 года на остальные



революционные движения, закономерно приходя к пессимизму относительно их возможностей.

Приходя к власти, антисистемные движения включились в логику капитала, так как выйти за пределы миросистемы не могли. Кстати сказать, уже не раз специалисты по СССР и странам восточного блока замечали, что Валлерстайн и не очень хорошо знает эти страны, и не очень ими интересуется. Положительный опыт он признает только за теми антисистемными движениями, которые не пришли к власти и «воздействовали на подрыв политической стабильности исторического капитализма» вопреки тем, кто «укреплял систему» захватывая власть (с.115). Выходит, революция в октябре 1917 и, например, война во Вьетнаме, по-Валлерстайну, – укрепили капитализм? Но как фактически можно доказать стремление к накоплению капитала в России после той же Октябрьской революции? Игнорируя проблему способа производства и классовых отношений внутри страны, Валлерстайн приходит к таким обобщениям, которые, по сути, обесценивают весь анализ. Конечно, «социалистический лагерь» не имел к социализму «по Марксу» без классов и эксплуатации никакого отношения. Но капитализмом он от этого не становится[7]!

Такая историческая несуразица выходит потому, что Валлерстайн не учитывает, как на самом деле выведенные за пределы капитализма (пусть и не в социализм) страны заставляли его (капитализм) меняться, становиться более социальным, создавать welfare state. И как эта добродушная маска слетела с капитализма, когда восторжествовал неолиберализм после падения советской системы. И действительно, для Валлерстайна кризис капитализма начался в 1968 году и продолжился (!) падением советского блока в 1989. Спору нет, кризисы могут продолжаться десятилетиями, но нет никаких оснований считать капитализм в одном сплошном кризисе после 1968 года – и почти до настоящего времени.

Причем здесь Валлерстайн ошибается не только исторически, но, как показала практика, и политически. Вдохновленные

«антиавторитарным» духом, в конце 90-х возникли новые антисистемные движения, уже не ставившие себе целью борьбу за власть — речь идет об антиглобализме. Он серьезно задел почивший было на лаврах «конца истории» неолиберальный капитализм, вновь — после краха соцлагеря — поставил левые идеи на повестку дня. Однако сразу после того выяснилось: либо антиглобалисты будут ставить себе политические цели, либо они исчерпают себя, так и не предложив ничего взамен отвергаемого ими «капитализма корпораций». Что и происходит сейчас с антиглобализмом в Европе и Северной Америке.

Прав здесь Валлерстайн только в одном, повторяя заповедь ортодоксального марксизма, старательно забываемую сталинистами: невозможна победа социализма (т.е. системы, более прогрессивной чем капитализм) иначе, как в мировом масштабе.

По Валлерстайну, антисистемные движения, ошибались не только в том, что стремились к власти. Они ошибались еще и в том, что опирались на господствующую идеологию накопления капитала. Эта идеология, с точки зрения Валлерстайна — универсализм, вера в который — «главная опора идеологического небосвода исторического капитализма» (с.121). Под универсализмом Валлерстайн понимает три разные вещи, которые у него сливаются воедино. Во-первых, это идеология модернизации, связываемая с идеей прогресса (добавим — линейного прогресса), которая подчинила и антисистемные движения, обрядив их в «идеологические одежды Просвещения» (с.125). Во-вторых, это идея универсальной культуры, по сути — культурный империализм, особенно вдохновляющий «обслуживающий аппарат» накопителей капитала — средние слои, «меритократию», которая, согласно Валлерстайну, и составляет 15-20% получивших выгоду от капиталистической экспансии — наряду с предпринимателями. И, наконец, в-третьих, это

«комплекс представлений о том, что {выделено автором} можно познать и как это познать.<...> Существуют значимые общие утверждения о мире — физическом, социальном, — которые

универсально и постоянно верны и цель науки – поиск этих общих утверждений».

Таким образом, универсализм «требуется <...> почтения к неуловимому, но якобы реальному феномену истины»(с.121). Поиск истины – не «бескорыстная добродетель», а «корыстная рационализация», он «как минимум созвучен сохранению иерархически неравной социальной структуры в ряде специфических отношений».

Признание всевластия идеологии, пронизанность идеологией всех сфер жизни, включая язык (постструктурализм) и науку – это печать поражения 1968 года, которая привела к кризису не капитализм, а, напротив, левую мысль, обезоружив ее и заведя в постмодернистский тупик. Здесь не место спорить с этой позицией, достаточно только констатировать, что последовательно провести ее Валлерстайну не удастся – иначе какой смысл в его собственных исследованиях миросистемы?

В качестве одного из доказательств существования этой универсалистской идеологии, внутри которой теряются принципиальные различия между консерватизмом, либерализмом и левым радикализмом, Валлерстайн приводит следующее: Если две практики: расизм-сексизм и универсализм «набирали силу одновременно», то они должны быть сущностно связаны (с.168). Единовременность – слабое основание для утверждения однопорядковости явлений. Использование аналогий в роли доказательств – это тоже частый прием в работах Валлерстайна, не говоря уже о том, что здесь он опять исторически некорректен: расизм как идеология появилась только в конце XVIII века как ответ на аболиционизм, а женщины в патриархальных семьях эксплуатировались с момента возникновения классового общества.

Единственный выход из тупика универсализма, который предлагает Валлерстайн, – подключение к антисистемным движениям маргиналов и групп меньшинств (с.128). Но как это может привести к победе над всеобъемлющей системой накопления –

неясно. Остается только уповать, что эта система сама подрывает на наших глазах свои основы и процесс «товаризации всего» близится к своему завершению, а значит — и капиталистическая миросистема скоро исчерпает самое себя. Если в соответствии и с ортодоксальным марксизмом, и неомарксизмом XX века капитализм в процессе своего развития был вынужден создавать противоречия во всех областях жизни, то Валлерстайн усматривает, по сути, только одно, чисто экономическое противоречие: логика накопления капитала исчерпывает те зоны, которые выступали в роли периферии и тем самым готовит себе кризис.

Все у Валлерстайна получается сообразно, организовано накоплением капитала: и антисистемные движения, и наука, и Просвещение, и даже революции. Все в итоге сводится к нему как к гегелевскому абсолютному духу. И все, не укладывающееся в эту модель, просто исчезает из поля зрения — и из валлерстайновских текстов. Такой экономический детерминизм будет посильнее, чем в одноименной книге ортодоксального марксиста и зятя Маркса Поля Лафарга.

В своих размышлениях об универсализме Валлерстайн доводит до абсурда тезисы, высказанные еще в 1944 году основателями Франкфуртской школы социальных наук Т.Адорно и М.Хоркхаймером в книге с говорящим названием «Диалектика Просвещения». Но если немецкие теоретики говорили именно о диалектике, то есть, простите за банальность, о единстве и борьбе противоположностей в развитии капиталистической цивилизации, то Валлерстайн без сомнений и нюансов с порога отрицает все то, что вызывало сомнения у франкфуртцев: Просвещение, возможность достижения объективной истины и прогресс.

Если можно кратко сформулировать ответ Валлерстайну на его «подведение баланса» капиталистической цивилизации, то, согласившись с критикой отчуждения, меритократии и эксплуатации, стоит констатировать: прогресс (то есть движение от низших форм к высшим) нельзя не заметить в развитии производительных сил общества и, говоря словами Гегеля, в

«сознании свободы, которую мы должны познать в его необходимости». И эти две вещи находятся в неразрывном единстве, именно благодаря ним у нас остается возможность выйти за рамки капиталистической цивилизации. Что же до представлений о линейности прогресса, то их, действительно, стоит оставить либералам и XIX веку.

\* \* \*

Валлерстайновская надстройка над теориями зависимости и периферийного капитализма (Р.Пребиша, Т. Дус Сантоса, Ф.Кардозу, А.Гундер-Франка, С.Амина и др.), а также над концепцией мироэкономик Фернана Броделя оказывается не только слишком умозрительной и легковесной, но и слишком идеологизированной наследием 1968 года, причем отнюдь не лучшей частью этого наследия.

Особенно эта слабость заметна в прогнозах, которые Валлерстайн делает в конце книги. Вообще прогнозы Валлерстайн делает часто и в своих книгах, и в политических комментариях, регулярно появляющихся на сайте Броделевского центра. Обычно процент попадания не очень высок – если речь не идет об экономике и о конкретных перспективах политики США в «третьем мире», то есть как раз там, где методология миросистемного анализа не слишком востребована. Оценивать, какие прогнозы из этой книги оказались удачными (эссе были изданы соответственно в 1983 и 1995 годах), предоставим читателю.

Но, несмотря на все замечания, в России выход любой книги Валлерстайна можно только приветствовать. Миросистемный анализ намного полезнее для социологии и истории в России чем вошедшие в моду после ухода в прошлое советского «истмата» теоретические суррогаты вроде «цивилизационного подхода», концепции «столкновения цивилизаций» или вовсе полного отказа от теории в исторических исследованиях. В этой ситуации «теоретической растерянности» (по выражению известного советского историка А.Я.Гуревича) российской социологии и истории Валлерстайн только полезен.

Работы Валлерстайна и других миросистемников особенно важны тем, что они четко и ясно – обобщая труды других, увы, неизвестных в России теоретиков зависимого развития и периферийного капитализма – показали определяющий для современного капитализма характер отношений центра и периферии. Более того, они восстановили интерес к целостному социально-экономическому анализу капитализма. И будет замечательно, если вслед за теоретико-публицистическими эссе Валлерстайна (а все 6 его переведенных книг представляют собой именно этот жанр) на русском языке появятся три тома его истории современной миросистемы. Но будет еще лучше, если отечественные обществоведы познакомятся наконец-то с источниками вдохновения Валлерстайна, то есть работами теоретиков зависимости из Латинской Америки и Африки.

На этом можно было бы закончить, но нельзя обойти вниманием предисловие А.И.Фурсова, составляющее треть всей книги. В его пересказе и теория Валлерстайна предстает намного менее ясно, чем у самого автора, и «разряжающие» ее комментарии производят странное впечатление. Начать с того, что Фурсов постоянно стремится выпускать критические стрелы в адрес левых, видимо таким образом желая «освободить» «своего» левого автора от неприятного для себя идеологического фона. Сделать это, конечно, не удастся и эскапады Фурсова либо демонстрируют незнание им соответствующих теорий, либо представляют собой попытки сознательного введения читателя в заблуждение.

Миросистемный анализ для Фурсова – это

«драма идей, интересная не только с научной, но и с социокультурной и идеологической точек зрения как показатель столкновения различных идеологем в такой период, когда идеологическая форма выражения социальных и экономических интересов внешне уступает место цивилизационной, этнокультурной и когда левые, дискутируя между собой, забивают последний гвоздь в гроб своей версии универсалистской идеологии».

Далее выясняется, что миросистемный анализ – «с некоторой точки зрения» «результат распада идеологии левых на Западе» (с.20).

Разумеется, никаких доказательств Фурсов не приводит. Остается не ясным ни причем тут «распад левой идеологии», ни что это за «этнокультурная» «форма выражения экономических интересов». Интересно, что именно Валлерстайн категорически выступает против абсолютизации этнических и национальных противоречий, считая их следствиями расистской политики капитала с целью дифференциации разных отрядов рабочего класса в центре и периферии. Затем, почему-то теория Валлерстайна оказывается «частичной деидеологизацией» «леворадикальных» теорий. А на с. 27 уже, напротив, оказывается, что последователь и критик Валлерстайна А.Г.Франк

«завершил логическую тенденцию, присущую всем левым <...> теориям, – тенденцию вымывания качественно определенного анализа социальных систем, подмену его “нейтральными” эмпирическими, народно-хозяйственными описательными штудиями».

Так все-таки, «деидеологизация» теорий или «нейтральные народно-хозяйственные (? – С.С.) штудии»? Не говоря уже о том, что именно левые теоретики – кого ни возьми – (от самого Маркса через франкфуртцев, экономистов П.Барана и П.Суизи, теоретиков зависимости – до ныне здравствующих И.Мессароша, Т.Иглтона и др.) как раз выступают против «абстрактного эмпиризма» (выражаясь словами Чарльза Райта Миллса), лишеного качественного анализа. Понятно, что А.И.Фурсову левые несимпатичны – но зачем фантазировать, да и вообще зачем тогда издавать именно левого Валлерстайна, а не каких-нибудь, прости господи, Хантингтона или Глюксмана?

Говоря о теоретических истоках концепции Валлерстайна, Фурсов только один раз мельком на 70 страницах помянул школу «зависимого развития», которой Валлерстайн обязан не меньше, чем Ф.Броделю. Зато своими собственными теоретическими выкладками автор предисловия постоянно разбавляет

Валлерстайна:

«Научно-техническая система производительных сил (по мнению Фурсова, она возникла в конце XX в. – С.С.), снимая главное – социоэкзистенциальное, моторно-историческое – противоречие капитализма, противоречие между субстанцией и функцией, ставит под угрозу основные институты и ценности капитализма: частную собственность, национальное государство, гражданское общество, privacy» (с. 10).

Понимать это, даже со ссылкой на источник, затруднительно и мне, и, уверен, читателю. Все предисловие представляет собой эдакую эклектическую кашу из пересказа Валлерстайна и теоретических заходов А.И.Фурсова.

Притом есть вполне дельные замечания: критика отсутствия у Валлерстайна собственно объяснения возникновения капитализма, невнимания миросистемного анализа к процессу производства (с.46). Наконец, нельзя не согласиться с Фурсовым относительно актуальности Валлерстайна для России, где многие до сих пор надеются, что российский капитализм благодаря «инновациям» будет подобен западному, а не останется в самом лучшем случае – полупериферией со всеми вытекающими отсюда латиноамериканскими аналогиями. Но в целом хочется все-таки порекомендовать читателю если и читать предисловие, то не до, а после текстов самого Валлерстайна.

20 июля – 2 августа 2010г.

Автор благодарит Сергея Ермолаева за помощь в подготовке статьи.

Опубликовано в журнале «Пушкин». 2010. №2.

Примечания

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. – М.: Территория будущего, 2006. – 248 с.

2. Там же. – С.75.



3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М.: Логос, 2003. – С.170–171.
4. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). – М.: Независимая газета, 2004. – С.386.
5. Приведено по: Глобализация сопротивления: борьба в мире. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С.266.
6. Подробнее см.: Валлерстайн И. Структуры домашних хозяйств и трансформация рабочей силы в мировой капиталистической экономике // Балибар Э. Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Логос-Альтера, 2003. – С. 124-132.
7. Не важно в данном контексте как называть социальный строй в СССР: «государственным социализмом», как, например, венгерский историк Тамаш Краус, «суперэтатизмом» как Александр Тарасов или «индустрополитаризмом» как Юрий Семенов. *Filosofiya*